

Последний генерал Белой армии

КОГДА закончило свое существование последнее соединение Белой армии? Оди, вероятно, отвечая на этот вопрос, вспомнят ликвидацию армии Врангеля в южной Европе, другие — отступление остатков войск Дитерихса в Маньчжурию в 1922 году. Третьи назовут еще более позднюю дату — передачу советским войскам казаков «истинно русского генерала» Гельмута Паннича в 1945 году. Об их трагедии сейчас много и охотно пишут. Однако ликвидация последних воинских формирований Белой армии случилась несколько позже.

Еще в 1941 году из проживавших на территории Маньчжурии русских, главным образом забайкальских казаков, был сформирован Захинганский казачий корпус, формально состоявший на службе государства Маньчжоу-Го. Командовал им генерал-лейтенант Алексей Проклович Бакшеев. Известно об этом человеке совсем немного. В различных справочниках и словарях сведения о нем (если они вообще есть) неполны, противоречивы и в большинстве случаев неточны. Тем не менее именно его, на наш взгляд, и следует считать последним командиром русского белоохранительского воинского формирования.

Начало карьеры

Алексей Проклович Бакшеев родился в 1873 году в богатой казачьей семье станицы Титовской в нескольких верстах от Читы. Отец, Прокл Олимпиевич, помимо занятия земледелием и скотоводством «держал мяснину», занимался почтовой гоньбой и извозным промыслом. В 1895 году Бакшеев окончил 5 классов Читинского городского училища. В 1896-м был призван на действительную военную службу и зачислен в 1-й Читинский казачий полк. В 1897 году в звании младшего урядника откомандирован в Иркутск в военное училище. По окончании его в 1899 году получил первый офицерский чин хорунжего и начал службу командиром взвода в 1-м Аргунском полку Забайкальского казачьего войска. Так сложилось, что сразу после назначения молодой офицер был направлен в Восточный Китай, где русские войска участвовали в подавлении так называемого Боксерского восстания. Командиром сотни 1-го Аргунского полка Алексей Бакшеев принял участие в Русско-японской войне, после которой до конца 1906 года находился в частях, охранявших город Харбин.

Как и во всей русской армии, в Забайкальском казачьем войске сделали серьезные выводы из итогов войны с Японией. В частности, встал вопрос об обязательном создании в казачьих частях конно-пулеметных команд. В 1907 году Бакшеев был переведен в 1-й Читинский полк и в чине подесаула откомандирован в город Ораненбаум в офицерскую стрелковую школу для прохождения курсов пулеметчиков, после окончания которых его назначили начальником конно-пулеметной команды отдельной Забайкальской казачьей бригады в Чите. В ее составе он и прибыл в октябре 1914 года на фронт Первой мировой войны.

Уже в 1917 году, пытаясь поднять в народе престиж самой войны, было отдано правительственное распоряжение о сообщении по месту жительства сведений о георгиевских кавалерах. В Государственном архиве Иркутской области хранятся сведения о георгиевских кавалерах — уроженцах Иркутского генерал-губернаторства, в том числе Забайкальской области. Среди сотен документов только в сообщении командира 1-го Читинского полка Забайкальского казачьего войска представлены сведения об офицерах, награжденных за храбрость орденами Святого Георгия 4-й степени и золотым георгиевским оружием. Это войсковые старшины Николай Георгиевич Нацвалов и Алексей Проклович Бакшеев.

Георгиевский кавалер

В наградном листе Бакшеева сказано: «Георгиевское оружие получил за следующий подвиг: в бою 12 октября 1914 года с 4 пулеметами занимал позицию на боевом участке, когда в первом часу дня показались густые колонны пехоты противника, численностью более полка. Когда же колонны приблизились на 1600 шагов, все четыре пу-

лемета открыли автоматический огонь с рассеиванием. Огонь пулеметов был так неожиданным, что колонны как бы застыли на месте на одно мгновение, но потом быстро бросились врассыпную в деревню. На месте осталось много трупов, как потом оказалось, по словам жителей, около трехсот. После этого в течение полутора часов сдерживал наступление пехотного полка и отошел, лишь получив приказание, будучи обстреливаем перекрестным огнем. Своими умелыми и спокойными действиями пулеметы в сильной степени способствовали удержанию позиции».

Орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени Алексей Бакшеев получил за следующий подвиг: «При атаке 2 июля 1915 года 4 сотнями 1-го Читинского полка и 2 сотнями 1-го Верхнеудинского полка в спешном порядке под начальством командира 1-го Верхнеудинского полка дер. Мокржец, которая была занята одним батальоном противника с четырьмя пулеметами, сотня есаула Бакшеева была назначена направляющей и наступала на восточную часть дер. Мокржец. В 3 часа 43 мин. дня есаул Бакшеев, идя впереди сотни, подвел ее на назначенный ему для атаки участок.

Как только наши сотни отделились от своих позиций, артиллерия против-

АЛЕКСЕЙ ПРОКЛОВИЧ НЕ ПИСАЛ ПОКАЯННЫХ ПИСЕМ И НЕ ПРЕДЛАГАЛ СВОИ УСЛУГИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.

приятельский пулемет успел тем временем скрыться во ржи.

Захваченные пулеметы оказались со вставленными лентами, из которых противник успел выпустить половину патронов, в одном из них найден перекос патрона в приемнике, от одного пулемета противнику удалось унести стенок. Оба пулемета совершенно исправны и к действию годны.

В заключение нужно сказать, что стремительностью своей атаки и взятием двух пулеметов и частей противника в плен, в соседних с ними окопах, есаул Бакшеев облегчил взятие нашими сотнями западной части деревни, а вместе с этим способствовал и общему блестящему успеху нашей атаки противника...

В этой атаке батальону противника спешенные наши шесть сотен нанесли решительное поражение: взято в плен до двухсот семидесяти нижних чинов

Атаман Семенов (внизу второй слева) с атаманом Сибирского войска Ивановым-Риновым

ника усилила свой огонь, и главным образом по 6-й сотне есаула Бакшеева, т. к. подступы к противнику на его участке были более открытые, один из снарядов причинил есаулу Бакшееву легкую контузию ноги и обжег на ней голенище сапога. Но есаул Бакшеев, не обращая внимание на этот артиллерийский огонь противника, скрываясь, насколько было возможно, по ржи от взоров неприятельских цепей, быстро и без выстрела вел свою сотню на указанную цель. Движение сотни было настолько быстро, а применение к местности настолько искусно, что противник, находившийся в окопах, заметил приближение сотни только в 200-300 шагах от себя и открыл адский пулеметный и ружейный огонь.

Есаул Бакшеев, бросившись впереди сотни с криком «ура», бегом повел ее на окопы противника в шапки, подбегая к которым он заметил против себя два неприятельских пулемета, стрелявших по его сотне, тогда он, удвоив усилия, стремительно с сотней бросился на них. Противник, видя непоколебимую решимость наших казаков, не выдержал и один пулемет стал сниматься с позиции, но было уже поздно: есаул Бакшеев с сотней уже надел на них и в рукопашной схватке захватил оба пулемета. После этого противник, захваченный в окопах, частью был взят в плен, а частью бросился в бегство и преследовался огнем наших казаков.

В то же время есаул Бакшеев заметил третий пулемет, уже уходивший по юго-западной улице деревни, и, желая его захватить, с частью своей сотни бросился за ним, но силы изменили ему, и он упал от изнеможения, а не-

при трех офицерах; похоронено нами до пятидесяти неприятельских трупов и осталось много неподобранных трупов во ржи... Кроме того, захвачено много оружия, патронов, амуниции и материальной части к пулеметам».

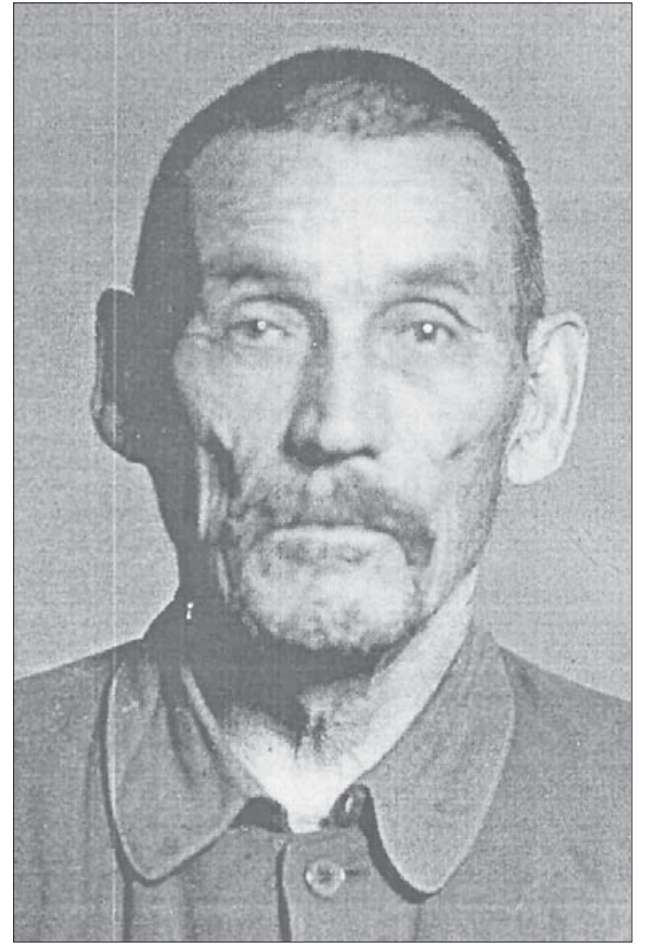
Развал армии

Личная храбрость солдат и офицеров не могла спасти положение в целом. Германские войска наступали по всему фронту. В начале июля 1915 года русские войска отступили на правый берег Вислы. Четыре сотни 1-го Читинского полка под общей командой есаула Алексея Бакшеева, вместе с другими частями, занимали оборону на одном из боевых участков. В последних числах июля германские войска попытались осуществить прорыв именно на этом участке. Около 5 часов утра в предрассветном тумане германские батальоны двинулись в атаку. Их первые ряды были переодеты в русские шинели и шапки. Лишь на предельно малом расстоянии командир участка, пехотный капитан, запрещающий до этого открывать огонь, попытался отразить атаку. В ближнем бою и рукопашной схватке забайкальские казаки оказали ожесточенное сопротивление, но силы были неравны. Противник почти окружил наших казаков и возникла угроза полного уничтожения четырех сотен 1-го Читинского полка. Лишь своевременная контратака соседних частей не дала возможности германцам истребить читинцев. Из 14 бывших в цепи офицеров забайкальцев осталось 3 человека.

В этом жестоком бою пропал без вести командир 6-й сотни есаул Алексей Бакшеев. Как стало позднее известно, тяжело раненный, он попал в германский плен. Фактически он стал инвалидом: левая рука у него не действовала, на всю жизнь осталась сильная хромота. Лишь в начале 1917-го после обмена увечными пленными он вновь вернулся в родной полк. Но это уже была другая армия — Февральская революция 1917 года начала процесс ее развала.

В тени атамана Семенова

В чине войскового старшины Бакшеев принял командование 2-м Верхнеудинским полком, состоящим главным образом из запасных казаков старшего возраста. Профессиональный военный, он, безусловно, тяжело переживал развал армии, но долг перед своими казаками-земляками исполнил до конца. Прибыв в Верхнеудинск в первых числах 1918 года, он распустил полк по домам и сам выехал к своей семье в Читу. Однако создавшаяся там обстановка не дала возможности отдохнуть. Бакшеев оказался втянутым в водоворот событий вокруг Особого Маньчжурского отряда своего бывшего сослуживца по Читинскому полку Григория Михайловича Семенова. При личной встрече Семенов предложил ему должность начальника Читинского военного отдела. В этот период шла подготовка к сбору

Алексей Бакшеев после ареста. 1945 год

в 1918-1920 годах. Взаимоотношения атамана Григория Семенова и его заместителя, к тому времени генерал-майора, Алексея Бакшеева в настоящий момент скрыты от нас. Одно можно сказать точно: между ними не было острых противоречий, которые бы в дальнейшем привели их на непримиримые позиции, как это было с другими офицерами и генералами. Бакшеев, безусловно, способствовал укреплению власти атамана, поддерживал его действия. Своим авторитетом среди земляков-казаков пытался смягчить последствия грубых или необдуманных действий Семенова, негативные тенденции в отношении к нему со стороны различных слоев общества. Вместе с тем современники не относили Бакшеева к кругу одиозных, а порой просто преступных личностей, которые окружали Семенова.

В показаниях следствию он так писал о своих взаимоотношениях с атаманом Семеновым: «Откровенно говоря, если его кто из эмигрантов поддерживал, как вождя и руководителя, так это я. Из старших руководителей эмиграции у него было значительно больше врагов, чем друзей... Я видел, что атаман Семенов наделал и делал много ошибок почти государственного масштаба, что он мягкотел до преступности (потому-то семеновщина была сильнее его). Но я также четко видел, что если

востребованы. Рассеянные по стране эмигрантские группы разных политических толков и направлений не имели организационной связи между собой. А в начале 1930-х стоящие за спиной государства Маньчжоу-Го японцы решили объединить их и упорядочить деятельность русских эмигрантов. Они планировали создать так называемое Бюро российских эмигрантов (БРЭМ) с отделениями по всей стране. Бакшееву японцы по рекомендации Семенова предложили возглавить эту организацию. Однако вначале Бакшеев отказался и порекомендовал генерала Рычкова, а сам возглавил Харбинское отделение БРЭМ, но в 1933 году Рычков умер, и на его должность японская военная миссия всё же назначила Бакшеева.

При подготовке нападения на Советский Союз японцы предусматривали возможное широкое использование русских эмигрантов. В 1941 году были сформированы специальные казачьи части: пять полков, два отдельных дивизиона артиллерии и одна отдельная сотня. Они составили Захинганский казачий корпус под командованием генерал-лейтенанта Алексея Бакшеева.

Жизнь, впрочем, внесла в планы японского командования свои коррективы. После поражения Германии на Восточном фронте японцы отказались от планов нападения на Советский Союз, но Квантунская армия продолжала находиться на территории Китая, и в августе 1945 года Советская армия мощной группировкой из трех фронтов приступила к ее ликвидации. В полосу Забайкальского фронта наиболее ожесточенное сопротивление было оказано в Хайларском укреплении. По некоторым сведениям, именно здесь принял участие в своих последних боях разрозненные части казачьего корпуса. Но упорные, почти десятидневные бои не смогли задержать общего наступления. Командир последнего белоохранительского формирования генерал-лейтенант Алексей Проклович Бакшеев был арестован представителями контрразведки СМЕРШ Забайкальского фронта 8 сентября 1945 года в городе Чанчунь. После предварительных допросов 20 сентября он был направлен в Москву в распоряжение Главного управления контрразведки, где началось следствие по делу об антисоветской деятельности бывшего атамана Семенова и его ближайших соратников. Документы следственного дела свидетельствуют, что до последних дней своей жизни казачий генерал вел себя достойно. Он давал полные, четкие и ясные показания о своей антисоветской деятельности — а что, собственно, было скрывать? Он не писал покаяться писем и не предлагал свои услуги советской власти — прекрасно понимал, что в армии, которая только что разгромила Германию и Японию, ему нет места. По существу, Алексей Проклович задолго до ареста пережил полное крушение своих жизненных ориентиров, поэтому и следствие, и суд, и заводом определенный смертный приговор встретил со стоическим спокойствием обреченного.

30 августа 1946 года, со смертью генерал-лейтенанта Алексея Прокловича Бакшеева, забайкальского казака, боевого офицера и георгиевского кавалера, закрылась последняя страница военной истории Белой армии.

Эмиграция и гибель

В 1921 году вместе с отступающими семеновскими частями Бакшеев покинул Россию. Начался новый этап в его судьбе — жизнь в эмиграции. Первый год, до того как распались войсковые части и каждый из беглецов стал самостоятельно устраивать свою судьбу, Бакшеев оставался должностным лицом казачьего самоуправления, пытался решать вопросы устройства прибывающих эмигрантов, как-то адаптировать их к зарубежной жизни. Ждал, когда к нему в Харбин из Читы, в тот период из Дальневосточной республики, придет жена и четыре дочери. После их прибытия он оставил военную службу и больше года заведовал хозяйством в ресторане «Черный кабачок», хозяином которого был юрист Дальгеим, впоследствии уехавший в Америку.

За годы читинской службы ему удалось скопить 6 тысяч мексиканских долларов, на которые и были приобретены дом и четыре коровы. На доходы от своего хозяйства большая семья и жила до 1932 года. В этот период русские эмигранты-военные вновь стали

Фрагмент из книги
Евгения Шободова
«Во власти истории»

«ЕСАУЛ БАКШЕЕВ, НЕ ОБРАЩАЯ ВНИМАНИЕ НА АРТИЛЛЕРИЙСКИЙ ОГОНЬ ПРОТИВНИКА, БЫСТРО ВЕЛ СВОЮ СОТНЮ НА УКАЗАННУЮ ЦЕЛЬ».